

ши: Станислав Куняев — о времени и о себе // Правда. 2001. № 82. 26 июля. С. 2).

Как и следовало ожидать, столь масштабная работа К. вызвала много откликов в печати (их диапазон — от восторженных похвал до яростных нападок). Если оппозиционные, национально-патриотические газ. и ж. приветствовали «Книгу воспоминаний и размышлений» К., то со страниц либеральной, «демократической» прессы в адрес их автора раздалось немало колких замечаний и резких упреков.

В дек. 2000 за двухтомник «Поэзия. Судьба. Россия» и книгу «Сергей Есенин» К. была вручена лит. премия «России верные сыны», учрежденная исполкомом Общероссийского политического общественного движения «Сыны России». Две первые книги мемуаров принесли их автору и еще одну награду: в начале июня 2001 К. получил Большую лит. премию России за 2000 (совместное решение СП России и Акционерной компании «АЛРОСА»).

Произведения К. переведены на ряд славянских яз.: болгарский, чешский, словацкий и др.

К.— лауреат Гос. премии РСФСР им. М. Горького (1987) за книгу критических и публицистических статей **«Огонь, мерцающий в сосуде...»** (М., 1986). Награжден орденами Дружбы народов и «Знак Почета».

Соч.: Свободная стихия. М., 1979 (Б-ка «О времени и о себе»); О Русь, взмахни крылами...: Поэты есенинского круга / сост. С. Ю. Куняев, С. С. Куняев; вступ. статья С. Ю. Куняева. М., 1986; То же. М., 1987; Избранные произведения: в 2 т. / вступ. статья Л. Г. Барановой-Гонченко. М., 1988; Огонь, мерцающий в сосуде...: Книга критических и публицистических статей о лит-ре, культуре и искусстве. М., 1989 (Лауреаты Гос. премии РСФСР им. М. Горького); Времена и легенды. М., 1990 (Диалог со временем); Не сотвори себе кумира. Статьи и дневники эпохи перестройки. Саратов, 1990; То же. Иркутск, 1990; Среди шумного бала...: Повести, рассказы, публицистика. М., 1996; Сергей Есенин [соавт. с С. С. Куняевым]. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1997. (ЖЗЛ); Поэзия. Судьба. Россия: в 2 кн. Кн. 1: Русский человек. Кн. 2: ...Есть еще океан М., 2001; Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 3: Шляхта и мы. М., 2002.

Лит.: Смирнов К. Дороги приводят к людям // На встречу будущему: Сб. статей молодых критиков. М., 1962. С. 282–303; Макаров А. Н. Снимок характера // Москва. 1963. № 1. С. 212–213; Митин Г. А. Счастливая судьба русской музы // Знамя. 1972. № 9. С. 244–247; Огнев В. Ф. Становление таланта: Статьи о поэзии. М., 1972. С. 36–41; Шаповалов М. Светится родная вязь... // Молодая гвардия. 1972. № 7. С. 310–313; Чупринин С. И. Между домом и миром // Дружба народов. 1978. № 11. С. 270–271; Кост-

ров Вл. Строки, подтвержденные судьбой // Молодая гвардия. 1979. № 4. С. 296–297; Семенов В. С. Слияние судьбы и слова // Молодая гвардия. 1980. № 7. С. 311–315; Глушкова Т. М. Образ поэта — образ критика // Лит. обозрение. 1980. № 8. С. 63–67; Баранова-Гонченко Л. Г. Предначертанный юностью путь... // Лит. обозрение. 1983. № 4. С. 39–41; Баранова-Гонченко Л. Г. За всех и ради всех. М., 1987. С. 27–49; Кожин В. В. Статьи о совр. лит-ре. М., 1990. С. 234–242; Кожин В. В. Полнокровность поэтического мира // Москва. 1992. № 9–10. С. 130–132; Личутин В. В. Терзания по золотом народу: Трезвые уроки Станислава Куняева // Завтра. 1996. № 6. Февр. С. 6; № 7. Февр. С. 7; Аннинский Л. А. Среди шумного бара... // Дружба народов. 1997. № 7. С. 217–222; Бобров А. А. Выстоим или умрем непообежденными: К 70-летию Станислава Куняева // Парламентская газ. 2002. № 226. 27 нояб. С. 8; Чалмаев В. А. В огне скорбей: К 70-летию Станислава Куняева // Советская Россия. 2002. № 135. 28 нояб. С. 7; Бондаренко В. Г. Русский лик патриотизма. М., 2003.

П. В. Бекедин

КУПРИН Александр Иванович [26.8(7.9). 1870, г. Наровчат Пензенской губ.— 25.8. 1938, Ленинград] — прозаик.

Родился в семье мелкого чиновника. Мать, урожденная Кулунчакова,— дворянского происхождения, принадлежала к старинному княжескому татарскому роду. Отец умер, когда К. не исполнилось и года. Семья оказалась в столь бедственном материаль-

А. И. Куприн

ном положении, что мать К. вынуждена была поселиться с сыном в московском Вдовьем доме. Когда мальчику исполнилось 6 лет, Любовь Алексеевна определила его в Разумовский сиротский пансион, где он прожил почти 4 года. В 1880 К. поступил во 2-ю Московскую военную гимназию, которая через 2 года была реорганизована в кадетский корпус. Впоследствии К. вспоминал, как ужасен был для него в детстве переход от семьи к казарме сначала сиротского училища, а затем кадетского корпуса. Тогда он впервые ощутил «весь потрясающий ужас двух неумолимых вещей: невозвратимости прошлого и чувства одиночества». Тягостная жизнь «казенного мальчика» изображена им в повести **«На переломе (Кадеты)»** (1900). Пожалуй, самым светлым воспоминанием той поры остались уроки учителя словесности Цуханова (в повести — Труханов). К. не только начинает приобщаться к творчеству классиков, но и сам пробует писать.

По окончании корпуса в 1888 К. поступил в III Александровское военное училище, готовившее пехотных офицеров. К этому «юнкерскому» периоду относится первая публикация К.: в 1889 он напечатал в «Русском сатирическом листке» рассказ **«Последний дебют»**, наивный и подражательный. Летом 1890 К. окончил училище и, получив чин подпоручика, был зачислен в 46-й Днепровский пехотный полк, располагавшийся в захолустном городке Проскурове Подольской губ. Провинциальный быт, скука, утомительная муштра, грубые нравы — все это сильно расходилось с его представлениями об офицерской службе. Вместе с разочарованием в нем зрел протест, который и привел в конце концов к отставке в 1894 (в чине поручика). На такое решение К. повлияло и одно немаловажное обстоятельство. К тому времени он написал и опубликовал в популярном ж. «РБ» повесть **«Впотьмах»** (1893) и рассказ **«Лунной ночью»**, готовился к печати рассказ **«Из отдаленного прошлого»** (**«Дознание»**). К. ощутил в себе писательский дар и получил признание авторитетных ценителей — Н. Михайловского и В. Короленко.

В том же 1894 К. приехал в Киев, где стал сотрудничать в местных газ. «Киевское слово», «Киевлянин» и др.: писал очерки, заметки, фельетоны. Однако это приносило малый и неверный заработок. Приходилось искать др. занятия. В автобиографии К. упоминает множество перепробованных им профессий: он был репортером, управляющим при постройке дома, разводил табак, служил в техни-

ческой конторе, выступал на сцене, изучал зубоорачебное дело и т. д. Между тем житейская необходимость все более соединялась у К. с желанием глубже познать мир и людей. Им двигали «безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство».

Итогом первых после офицерской службы беспокойных лет стали 2 книги: сб. очерков **«Киевские типы»** (1896) и сб. рассказов **«Миниатюры»** (1897). Позднее К. оценил их как «первые ребяческие шаги на литературной дороге». Уже в пору творческой зрелости К. одну из своих писательских заповедей сформулировал так: «Ты — репортер жизни... суйся решительно всюду... влезь в самую гушу жизни...» (О литературе. Минск, 1969). Беглые зарисовки, эскизы, штрихи к социальной картине людского «дна», очерки нравов — так можно обозначить основные жанры ранних купринских произведений.

В 1896 К. в качестве корреспондента нередко бывал на заводах Донбасса, затем устроился там на работу. Он был поражен открывшейся ему «страшной и захватывающей картиной», правдой о цене машинной цивилизации. Об этом К. написал в своем первом крупном произведении — повести **«Молох»** (1896). Главному герою ее — инженеру Боброву — сталелитейный завод мерещится железным чудовищем, пожирающим «серых тружеников». Он сравнивает его с легендарным идолом, богом огня и войны Молохом, которому древние моавитяне приносили человеческие жертвы. Ему кажется, что человек все больше становится заложником технического прогресса. Напечатанная в «РБ» повесть была с воодушевлением воспринята демократически настроенными читателями и критиками.

Мир в сознании К. все больше делился надвое. С одной стороны, нетронутая, свободная природная стихия, с др. — мир совр. цивилизации, во многом уродливый, фальшивый, несправедливый. Один мир жил вопреки другому. К. не колебался в выборе между ними: он всецело доверял природе, его влекло к естественному человеку, к непосредственным натурам. Казалось, он следовал здесь Л. Толстому, которого очень почитал (он называл его Великим Стариком), но прежде всего это было проявлением его собственной глубинной сути. Он всегда исповедовал философию «живой жизни». Эта купринская черта отчетливо проглядывает в таких произведениях второй половины 1890-х, как **«Лесная глушь»** (1898), **«На глухарей»** (1899), **«Олеся»** (1898). В «Олесе»

К., пожалуй, впервые показал себя мастером живописания природы в самых разнообразных ее проявлениях. В основе повести — история любви юной полесской «колдуньи» и полупраздного интеллигента Ивана Тимофеевича. К. сталкивает не просто две разные натуры, а два совершенно различных мировосприятия. Героиня — «дитя природы», она хранит в себе ее свободу, ее загадки и таинства, ее первобытную цельность. Герой — «добрый, но только слабый» — городской житель, заключенный в рамки всевозможных условностей, он пытается охватить и объяснить жизнь своей «небольшой наукой», он — чужестранец в этом девственном зеленом краю. Он жив для истинной любви лишь в той мере, в какой способен отдаться во власть беззаветного чувства девушки. В повести ярко воплотился купринский идеал всепоглощающей, «великодушной» любви. Еще в раннее написанном рассказе **«Allez!»** любовь-страсть цирковой наездницы и акробатки Норы изображалась им как чувство магической силы, лишаящее человека рассудка. По словам Паустовского, К. «повсюду искал ту силу, что могла бы поднять человека до состояния внутреннего совершенства и дать ему счастье» (Куприн А. Рассказы и повести. М., 1979. С. 5.). Любовь в его представлении была именно такой силой, несмотря на ее хрупкость, незащищенность, подчас даже обреченность.

В нояб. 1901 К. приезжает в Петербург, и с этого момента окончилась его неустроенная, беспорядочная жизнь. Он сделался наконец профессиональным литератором. Не теряя связей с «РБ», он сблизился с редакцией ж. «Мир Божий» (здесь в 1902 появились рассказы **«В цирке»**, **«Болото»**). Одним из соредакторов этого издания была Мария Карловна Давыдова (впоследствии Куприна-Иорданская), ставшая в февр. 1902 женой писателя. (В 1909 К. женился второй раз — на Елизавете Морицевне Гейнрих, родственнице писателя Д. Мамина-Сибиряка.) Вообще, 1902 был важным в личной и творческой судьбе К. В том году он познакомился с М. Горьким, который оказал на него серьезное влияние, именно тогда он обрел уверенность в своих силах, именно в то время задумал по-настоящему крупную вещь — повесть **«Поединок»**. Замысел ее он так изложил жене: «Я должен освободиться от тяжелого груза впечатлений, накопленного годами военной службы. Я назову этот роман „Поединок“, потому что это будет поединок мой, поединок с царской армией. Она калечит душу, подавляет все лучшие порывы человека,

его ум и волю, унижает человеческое достоинство. Простить этого нельзя!» Таким образом, повесть задумывалась как автобиографическая, исповедальная, и в то же время в ней должен был содержаться мощный обличительный подтекст. Все те разнообразные впечатления К. о военной службе, которые фрагментарно отразились в ранних рассказах (**«Дознание»**, **«Куст сирени»**, **«Прапорщик армейский»**, **«Ночная смена»** и др.), теперь должны были вылиться в целостную, обобщающую картину армейской жизни. Определяющая роль в повести отводилась поручику Ромашову. Это очень ранимый, доверчивый человек, который с душевным страданием воспринимает грубый, циничный миропорядок: бесправие солдат, опустошенность и бездуховность мн. офицеров, сословные предрассудки и обычаи. Всей системой образов повесть подводила читателей к выводу о том, что описанная в ней «военная служба с ее призрачной доблестью создана жестоким, позорным всечеловеческим недоразумением». «Куприн оказал офицерству большую услугу, — отмечал М. Горький, высоко оценивший повесть. — Он помог им до известной степени познать самих себя, свое положение в жизни, всю его ненормальность и трагизм!» Повесть, появившаяся в 1905 (в 1-м изд. посвящена М. Горькому), обрела злободневный смысл на фоне поражения царской армии в русско-японской войне и событий первой русской революции. «Поединок» принес писателю заслуженный успех и широкую известность. «Смело можно сказать, — писал К. Чуковский, — что этой вещью Куприн впервые вступает в лоно великой русской литературы».

Свой триумф К. переживал двояко. Он окунулся в стихию полубогеминой жизни. Это была его своеобразная (неизбежная, как он считал) «плата» за громкий успех. Однако, с др. стороны, ободренный этим безоговорочным успехом, он обрел окончательную веру в свои творческие возможности. Еще не улеглись страсти вокруг «Поединка», а К. уже задумал его продолжение — повесть под условным названием **«Нищие»**, в которой хотел показать свой поединок с жизнью, борьбу за право быть свободным человеком. Но работа над повестью скоро зашла в тупик, и К. вновь обратился к излюбленному жанру — рассказу. С подлинным вдохновением создавались им новеллы **«Штабс-капитан Рыбников»** (1906), **«Река жизни»** (1906), **«Изумруд»** (1907), **«Гамбринус»** (1907), цикл **«Листригоны»** (1907–11). Два последних связа-

ны с дорогими сердцу художника Одессой и Балаклавой. Рассказ о скрипаче Сашке, прошедшем кровавую войну, изувеченном в тюрьме, «дважды воскресшем», К. завершает знаменательной фразой: «Ничего! Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит». «Листригоны» повествуют о балаклавских рыбаках, с которыми писатель дружил и с которыми не раз выходил в море. Это, по его прочувствованным словам, — «милые простые люди, мужественные сердца, наивные первобытные души, крепкие тела, обвешанные соленым морским ветром, мозолистые руки, зоркие глаза, которые столько раз глядели в лицо смерти, в самые ее зрачки». «Сколько прекрасных дней, сколько захватывающих моментов дала мне жизнь среди рыбаков в этом игрушечном городке!» — восклицал К. в одном из интервью (О литературе. С. 307). В 1909 мастерство писателя было отмечено Пушкинской премией.

В эти же годы были созданы два знаменитых шедевра: «**Суламифь**» (1907) и «**Гранатовый браслет**» (1910). Оба они — о любви. И в них К. остался верен себе: он изображает истинную любовь как высшую ценность мира, как непостижимую тайну. Для такого всепоглощающего чувства не существует вопроса «быть или не быть?», оно лишено сомнений, а потому часто чревато трагедией. «Любовь всегда трагедия, — писал К., — всегда борьба и достижение, всегда радость и страх, воскрешение и смерть». К. был глубоко убежден в том, что даже безответное чувство способно преобразить жизнь человека. Об этом он мудро и трогательно поведал в «Гранатовом браслете», грустном рассказе о скромном телеграфном чиновнике Желткове, который был столь безнадежно и самоотверженно влюблен в графиню Веру Шеину. К. самого очень волновала эта вещь. «Не знаю, что выйдет, но, когда я о ней думаю, — плачу, — сообщал он своему другу Ф. Батюшкову. — Скажу одно, что ничего более целомудренного я еще не писал» (О литературе. С. 237).

К., однако, не покидала мысль о создании крупного произведения. С 1908 он начал работать над романом «**Яма**», повествующем о жизни обитательниц публичного дома. Роману писатель предпослал посвящение: «Знаю, что многие найдут эту повесть безнравственной и неприличной, тем не менее от всего сердца посвящаю ее матерям и юношеству». 1-я часть романа была опубликована в 1909, 2-я — в 1914–15. Гуманный по своему замыслу, роман оказался перегруженным

натуралистическими подробностями, очерковыми описаниями, что снижало его худож. значимость. К. не чужд был и жанр науч.-фантастической прозы, в котором были созданы повести «**Жидкое солнце**» (1913) и «**Звезда Соломона**» (1917).

Революция 1917 поставила К., как и мн. др. русских интеллигентов, перед нелегким выбором: с кем быть? Будучи человеком далеким от политики, К. подходил к этому вопросу скорее эмоционально, чем идеологически. Революция настораживала его, она казалась ему преждевременной и непредсказуемой по своим последствиям. «Пусть учение Ленина в своей идеологии высоко, — писал он. — Но оно отворяет широко двери русскому бунту — бессмысленному и беспощадному». В суровой послереволюционной действительности многое ему было чуждо, непонятно, дико, но он старался освоиться в этой новой реальности. Он даже задумал издавать для крестьян газ. «Земля», советовался по поводу нее с М. Горьким и Лениным. Но намерение это не осуществилось.

С 1911 К. жил в Гатчине. Когда в окт. 1919 в нее вошли войска Юденича, он целиком подчинился обстоятельствам военного времени. Вместе с разгромленными остатками белых он отступал в направлении Нарвы и в конце концов вынужден был покинуть родину (о драматических событиях того времени К. рассказал в повести «**Купол св. Исаак Даламатского**», опубликованной в Риге в 1928). Сначала К. оказался в Гельсингфорсе (Финляндия), где сотрудничал в газ. «Новая русская жизнь». Летом 1920 он приехал с семьей в Париж. К. мучительно переживал разрыв с Россией. «Боль и тоска по родине не проходят, не притерпеливаются, а все гуще и глубже», — признавался он в одном из писем в 1924 (О литературе. С. 246). А своей сестре с горечью писал: «...Эмигрантская жизнь вконец изжевала меня и приплюснула дух мой к земле».

Долгое время К. никак не мог вернуться к худож. творчеству. Лишь во второй половине 1920-х он снова начинает писать. Один за другим выходят сб. прозы «**Новые повести и рассказы**» (Париж, 1927), «**Колесо времени**» (Белград, 1930), «**Жанета**» (Париж, 1934) и др. Во мн. произведениях эмигрантского периода К. возвращается памятью к прошлой жизни в России. Он продолжает развивать в них свои излюбленные темы и мотивы. Так, цирку посвящены новеллы «**Ольга Сур**» (1929), «**Дурной каламбур**» (1929), «**Блондель**» (1933); русская природа воссоздана в рассказах «**Елань**», «**Ночь в ле-**

су», «Вальдшнепы» и др. Последняя крупная вещь — автобиографический роман «Юнкера» (вышел отд. изд. в Париже в 1933) — повествует о годах юности писателя, о той Москве конца минувшего века, которую он запомнил цепкой памятью художника. «Я хотел бы,— говорил К. во время работы над романом,— чтобы прошлое, которое ушло навсегда, наши училища, наши юнкеры, наша жизнь, обычаи, традиции остались хотя бы на бумаге и не исчезли не только из мира, но даже из памяти людей. „Юнкера“ — это мое завещание русской молодежи».

К. не покидала мысль о возвращении на родину. И последняя мечта его жизни сбылась. В мае 1937 писатель приехал в Москву, где был радушно встречен соотечественниками. Он был уже неизлечимо болен, и ему оставался лишь год с небольшим жизни.

Интерес к творчеству К. с годами не иссякает. «Почему он большой писатель? — говорил хорошо знавший К. Д. Н. Мамин-Сибиряк.— Да потому, что он живой... в каждой мелочи живой». И это верно. К. очень любил жизнь (он называл себя ее «благодарным обожателем, всепрощающим влюбленным, терпеливым, старым слугой»), любил сильных и красивых людей, любил риск, азарт, охоту, его влекло ко всему необычному, экзотическому. У него была способность глубоко впитывать в себя живой, природный мир. Дар художника-реалиста помогал ему ярко воплотить его в слова и образы. По словам В. Розанова, «его простой, не умничающий, а умный рассказ, его наблюдательность, его внимание и уважение к обыденному — все это соединяет его перо с большими старыми мастерами русского слова». Бунин отмечал, что лучшим рассказам К. присущи «свобода, сила, яркость повествований, меткий и без излишества щедрый язык» (Бунин И. СС: в 6 т. М., 1994. Т. 5. С. 451). Эти качества произведений К. обеспечили ему достойное место и имя в русской лит-ре.

Соч.: СС: в 6 т. М., 1957–58; СС: в 9 т. М., 1970–73; СС: в 5 т. М., 1982.

Лит.: Берков П. Александр Иванович Куприн. М., 1956; Афанасьев В. А. И. Куприн. М., 1960; Никулин Л. Чехов, Бунин, Куприн: Лит. портреты. М., 1960. С. 265–325; Волков А. Творчество А. И. Куприна. М., 1962; Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. 2-е изд. М., 1966. (Лит. мемуары); Крутикова Л. В. А. И. Куприн. Л., 1971; Михайлов О. Н. Куприн. М., 1981. (ЖЗЛ); Кулешов Ф. Творческий путь А. И. Куприна. 2-е изд. Минск, 1983; Слово об Александре Куприне. Пенза, 1995.

В. Н. Быстров

В. Г. Куприянов

КУПРИЯНОВ Вячеслав Глебович [23.12.1939, Новосибирск] — поэт, переводчик, прозаик.

Родился в семье врачей, отец погиб на фронте в 1942. После окончания средней школы работал по комсомольской путевке на строительстве Новосибирского электротехнического ин-та. Поступил в Высшее военноморское училище инженеров оружия в Ленинграде (1958), где в качестве первого поэтического опыта сочинил не вполне печатную поэму «Василий Биркин», вошедшую в курсантский фольклор. В 1960 был демобилизован и поступил в Московский ин-т иностр. яз. на переводческий ф-т, отделение машинного перевода и математической лингвистики. В ин-те начал заниматься переводами, а также вопросами структурной поэтики, посещал семинары академика А. Н. Колмогорова, посвященные математическим исследованиям стиха. Знакомство с профессором Ю. В. Рождественским во многом определило филол. и лит. взгляды К. Вместе с поэтом и переводчиком испанской поэзии П. Корневским организовал в ин-те лит. объединение «Фотон». Первые стих. опубликовал в институтской многотиражке «Советский студент» в 1961. В 1962 публикует стихи в «Московской правде», а в 1965 в ж. «Москва» (№ 12).

По окончании ин-та вступил в Профком литераторов при изд-ве «Худож. лит-ра», переводил поэзию с немецкого, английского, французского и испанского яз. Среди пере-